

рукция различия между реальным присутствием и присутствием в повторении вовлекает в деконструкцию всю систему языковых различий, включающих и различие между означающим и означаемым, стирание которого является основной чертой постструктурализма. В результате Деррида выдвигает главный тезис, ради которого он и предпринимает деконструкцию различия презентации и репрезентации: «Присутствие настоящего производно от повторения, а не наоборот».

Таким образом, критика линейной модели времени и отрицание смыслопорождающей функции темпоральной фазы «теперь» опирается на понимание знака не как средства выражения смыслов, вкладываемых в него трансцендентальным субъектом, а как самостоятельного агента, функции которого обусловлены его повторяемостью. Вместе с тем концепция знака, в которой отсутствует означаемое знака, не выражающего присутствия бытия, основана на деконструкции самотождественности момента «теперь», его свойстве отсылать к прошлому и будущему, его зависимости от них как смыслового фона и горизонта. Принцип тождества, положенный в основание гуссерлевской модели времени и знака (как и всех классических моделей), заменяется принципами повторения и различия, которые делают невозможной данность Бытия, понимаемого как присутствие. Единственно доступной реальностью становится теперь знаковая реальность. Принципы, согласно которым она функционирует, это принципы отсылки, повторения и различия. Таким образом, выступая против метафизики присутствия, Деррида показывает, что в ее основании лежат линейная модель времени и концепция знака (основанная на принципах референции, репрезентации, интенциональности), которые также фиксируют сущностную связь между данным пониманием времени и знака.

¹ Кант И. Критика чистого разума. М., 1994. С. 127.

² Там же. С. 127.

³ Молчанов В.И. Время и сознание. Критика феноменологической философии. М., 1988. С. 92.

⁴ Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. М., 1994. С. 70.

⁵ Деррида Ж. *Differance*. Томск, 1999. С. 139.

⁶ Деррида Ж. Голос и феномен. С. 54.

⁷ Деррида Ж. *Differance*. СПб., 1999. С. 140.

⁸ Деррида Ж. Голос и феномен. С. 89.

Поступила в редакцию 03.06.2003.

Сергей Михайлович Мащитко – аспирант кафедры философии культуры. Научный руководитель – доктор философских наук, профессор Т.Г. Румянцева.

Г.И. ИВАНЧИН

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: СПЕЦИФИКА НАЦИОГЕНЕЗА БЕЛОРУСОВ

Рассматриваются основные модели нациогенеза, характерные для Западной и Центрально-Восточной Европы, и указывается специфика белорусского национального развития, обусловленная своеобразным культурно-историческим процессом и географическим положением Беларуси.

The article deals with the main theoretical models of national development, adopted in Western, Central and Eastern Europe. The formation of Belarusian Nation and its further development, the peculiarities as well as the geographical position of Belarus.

В современном мире реализуются две основные тенденции: с одной стороны, интеграционные процессы в экономике и политике, предопределяющие распространение универсальной массовой культуры, с другой – национальный Ренессанс, проявляющийся в актуализации национального самосознания как ответа на глобализацию. Проблема корреляции данных

тенденций важна для определения значения нации в трансформирующемся мире и ее перспектив как формы организации социумов. Для Беларуси важно выработать модели национальной экзистенции в условиях «нового мира», поскольку возможен процесс утраты культурного своеобразия, что в данном случае будет означать денационализацию.

В социогуманитарном знании приняты две основные модели нациогенеза (возникновение и развитие нации), предложенные еще в 1907 г. немецким историком Ф. Майнеке (в работе «Мировая буржуазия и национальное государство»), который считал, что нациогенез возможен по схемам либо «государство – нация», либо «нация – государство». В первом случае нация развивается в рамках суверенного государства – *Staatsnation*. Общий суверенитет порождает общие институты и культурный партикуляризм этносов, входящих в состав государства, преодолевается через принятие идеи нации, являющейся, в сущности, программой совместной экзистенции людей, различных в культурном, классовом, расовом, религиозном и многих других отношениях. Такая идея всегда содержит обоснование того, почему необходимо консолидироваться в рамках именно этого сообщества, а не какого-либо другого (используются аргументы географического месторасположения, культурно-языковой общности, близости экономических интересов и т. д.). Определение нации Э. Ренаном (1882) как «повседневного плебисцита»¹ подтверждает то, что объединяющая идея должна быть мобильной в смысле соответствия социально-экономической и политической динамике, в противном случае сообщество не имеет будущего.

Данный путь нациогенеза характерен для Западной Европы, а для Восточной и Центральной Европы больше соответствует вторая концепция «нация – государство» (*Kulturnation*), согласно которой нация может вырасти только внутри оболочки своеобразной культуры, поэтому она определяется скорее как культурная, нежели политическая общность.

Вместе с тем нация, конституирующаяся на основе культуры, имеет целью создание национального государства, в котором она сможет наиболее динамично развиваться. Э. Смит называет эти модели соответственно западная, или «гражданская нация», и «этническая» – не западная. Первая, по его мнению, состоит из следующих компонентов: историческая территория, политико-юридическая общность, политико-юридическое равенство членов, общая гражданская культура и идеология; для второй характерно единство генеалогии и якобы общее происхождение, мобилизация народа, родной язык, обычаи и традиции. Место, которое в западной гражданской модели занимает закон, в этнической модели отдается народной культуре, преимущественно языку и традиции, поэтому лексикографы, филологи и фольклористы играют центральную роль на ранних этапах нациогенеза в Восточной Европе и Азии². Р. Брубайкер отмечает относительную культурную гомогенность западноевропейских территориальных государств, формировавших национальные сообщества, в то время как в Центральной и Восточной Европе политические единицы были значительно меньше культурных или значительно большими, как это наблюдалось в случае империй – Османской, Габсбургов и Романовых. Исходя из этого, нация трактуется как этнокультурное сообщество, обычно сообщество языка³.

Вышеназванные модели Ю. Хлебовчик обобщил в виде двух схем нациестроительных процессов в Западной и Центрально-Восточной Европе (а – Западная Европа; б – Центрально-Восточная):

а) государственная общность → языковая общность → национальная общность (государственно-национальная); б) языковая общность, культурно-цивилизационная общность (в условиях национально-языкового пограничья) → национальная общность → государственная общность (государственно-национальная)⁴. Исследователь выделяет две фазы нациестроительного процесса для Центрально-Восточной Европы:

1) культурно-языковую – эмансипация, интеграция, а также унификация отдельных этнически-языковых групп. В результате этого процесса появляется новый вид общественного коллектива – национальность (современный литературный язык, общие обычаи и традиционализм);

2) политическую, когда национальность преобразуется во внутренне сплоченную, четко идентифицирующуюся со стороны национальную группу⁵.

Народы Центральной и Восточной Европы, не имея собственной государственности, выдвинули из своих «недр» наиболее пассионарную часть интеллектуальной элиты, которая для доказательства культурной самобытности апеллировала к этнографии, истории, лингвистике. Подобная деятельность проводилась с целью пробудить народы, а сама интеллигенция могла быть названа «будителями» (термин конкретно употреблялся в Чехии конца XVIII – первой половины XIX в.). Р. Радзик отмечает, что в Центральной и Восточной Европе культуротворительным и нациетворительным словом, специфическим для этой части континента и не имеющим своего эквивалента на Западе, была интеллигенция⁶.

Наиболее полно концепция «культурной» нации представлена у Ф. Занецкого, утверждающего, что формирование общества с национальной культурой начинается от относительно небольшого общественного ядра, влияние которого расширяется и постепенно охватывает миллионы людей. Это ядро составляют независимые, индивидуальные лидеры разнообразных сфер культурной деятельности, которые постепенно создают национальную культуру, синтезирующую множество традиционных, региональных культур⁷. Среди этих лидеров исследователь называет писателей, историков, этнографов, национальных идеологов, артистов, музыкантов, экономистов и ученых в целом. Целью их деятельности является идеал культурно-монолитного и солидарного в общественной сфере сообщества. Осуществление этого идеала должно преодолеть культурные, политические, религиозные, классовые и другие партикуляризмы. Интеллектуальная элита для достижения своих целей использует два метода: пропаганду и воспитание. Они содержат целый набор техник, с помощью которых пропагандисты стараются сделать массы осознающими свою принадлежность к объединенной нации, – культ героев, мифы об общем происхождении и расовом единстве, преданность родной стране как коллективной собственности группы, а также призыв к объединению сил для защиты перед общим врагом⁸.

Ю. Халасиньский продолжает развивать эту концепцию, анализируя конкретный эмпирический материал. У него нация является продуктом распада сословного общества: люди-аутсайдеры, не входящие в сословный строй, прежде всего аутсайдеры-интеллектуалы, поддерживаемые передовыми аристократами и нуворишами, распространявшими революционную идею нации как общества, основанного на единстве представлений и, таким образом, преодолевающего равно как аутсайдерство, так и господство сословного принципа⁹. Далее Ю. Халасиньский делает обобщающий вывод: «Нация есть сообщество, в формировании которого основную роль сыграли интеллектуалы, то есть люди, работающие для создания, сохранения и передачи из поколения в поколение идей-представлений о жизни, человеке и обществе»¹⁰.

Чешский историк М. Грох предложил периодизацию национальных движений Центральной и Восточной Европы, имеющих целью конституирование наций. Они состоят из трех стадий:

1. (А) – период научной заинтересованности некоторых ученых в аргументах, подтверждающих идею о том, что определенная этническая группа является отдельной общностью, имеющей свой язык, культуру и историю. Эта заинтересованность была мотивирована патриотизмом просвещенческого типа в смысле деятельной любви к краю, в котором жили исследова-

тели, и гносеологической жадой познания неизвестного. Данная фаза характеризуется отсутствием организационной базы и творческой раздробленностью.

2. (В) – фаза патриотической агитации начинается тогда, когда снижается интерес к языку и культуре и начинается работа по формированию национального сознания среди представителей собственной нации. Научные исследования на этой стадии продолжались, но приобрели патриотические функции именно как основополагающее средство для консолидации нации. Особенностью периода является наличие определенной коммуникационной структуры (книгоиздание, система образования, пресса), позволяющей проводить патриотическую агитацию на всей территории нации.

3. (С) – стадия наступления массовых национальных движений, когда широкие массы втягиваются в деятельность политических партий и т. д.¹¹

Возникновение и развитие белорусской нации имели ряд специфических особенностей, детерминировавших ее способность к сопротивлению и самосохранению:

1) нахождение длительное время в орбите политики Речи Посполитой и Российской империи, что препятствовало формированию собственной независимой государственности;

2) поликонфессиональная ситуация в регионе, углубляющая децентрализацию социума;

3) пограничный характер Беларуси, ставшей местом диалога культур (Запад – Восток, Север – Юг), причем часто выливающийся в военные конфликты, обусловил культурный плюрализм на ее землях и затянувшееся состояние транзитивности в социально-экономических отношениях;

4) отсутствие высших учебных заведений (1832 г. – закрытие Виленского университета) и соответственно обучение в России или Польше (где белорусская молодежь подвергалась воздействию русификаторских или полонизаторских идей), реже – в других странах;

5) большая часть белорусской интеллектуальной элиты, разочаровавшись в возрождении собственной государственности и культуры, стала участвовать в развитии русской или польской культуры. Московское государство «много почерпнуло отсюда (из Беларуси. – Г. И.) моральных и научных сил для своего возрождения»¹². Таким образом был восстановлен интеллектуальный потенциал России после татарского ига, когда готовить своих специалистов не хватало времени и средств, а значительно проще было воспользоваться уже подготовленными профессионалами других государств. Польша в не меньшей степени использовала белорусские творческие ресурсы. В. Игнатовский писал об этих процессах следующее: «Голова народа, его интеллигенция, люди просвещения отошли от некультурного, забитого панщиной белоруса – мужика и слились с интеллигенцией Польши или Великорусии... И кто, как ни она, эта полонизированная белорусская интеллигенция, подарила польскому народу его великого песняра, новогрудского жителя А. Мицкевича»¹³. В качестве других примеров можно назвать И. Федорова, П. Мстиславца, С. Полоцкого, И. Копиевича, которые внесли огромный вклад в развитие русской культуры; А. Нарушевича, Ю. Немцевича, И. Крашевского, С. Монюшко, явившихся титанами польской культуры, и многих других этнических белорусов, ставших выдающимися деятелями культур других народов;

6) в странах Западной Европы и у ближайших соседей региона Центральной и Восточной Европы движущей силой национальных движений выступало мещанство, поскольку его образовательный и в целом культурный уровень был выше, чем у сельских жителей. На территории Беларуси ситуация была иной: опустошительные войны ВКЛ, а затем и Речи Посполитой с Московским государством, деэтнизация белорусской социальной элиты

(добровольная и принудительная культурная ассимиляция с поляками или русскими) привели к уменьшению численности белорусов среди горожан (табл. 1).

Таблица 1

Размещение белорусского населения в городах в 1897 г.¹⁴

Величина города	Количество городов	Численность населения	% белорусов
2–5 тыс.	17	63 723	36,0
5–10 тыс.	18	134 824	25,4
10–20 тыс.	6	80 852	22,6
20–50 тыс.	6	209 811	14,8
Свыше 50 тыс.	3	311 315	7,3
Все города свыше 2 тыс.	50	800 525	16,1

Крестьяне, лишившись направляющей роли национально ориентированных элит, часто идентифицировали себя как «тутэйшых», т. е. местных жителей, проживающих на определенной территории. Надлокальная интеграция в таких условиях весьма проблематична, хотя следует признать, что именно в крестьянской среде сохранились элементы белорусской народной культуры, но для конституирования нации этого недостаточно, поскольку ценности «титульного» этноса принимаются иноэтническими образованиями, проживающими в той же стране, только при эффективной работе соответствующих пропагандистских институтов (система образования, учреждения культуры, средства массовой информации и коммуникации). Важной проблемой, задерживающей формирование национального самосознания, была неграмотность большей части белорусского населения, что затрудняло принятие идеологических категорий мышления (табл. 2);

Таблица 2

Умеющие читать в возрастной группе 10–49 лет в 1897 г.¹⁵

Губерния	% белорусов	% не белорусов
Вильно	34,7	50,3
Гродно	34,0	47,2
Витебск	18,8	53,4
Могилев	17,7	58,3
Минск	16,2	54,0

7) нациестроительные процессы в странах Центрально-Восточной Европы происходили вокруг мощных культурных центров, имеющих знаково-символическую ценность для того или иного народа. У чехов была Прага и Карлов университет, у поляков – Варшава и Краков (Ягеллонский университет), у украинцев Мать городов русских – Киев (позднее в деле консолидации украинской нации возросло значение Львова). Для белорусов таким центром был Вильно, город, овеянный легендами и сказаниями, столица ВКЛ. В результате исторических коллизий этот город стал столицей другого государства и соответственно его консолидирующий потенциал позитивно сказался на литовском нациогенезе. В подобной ситуации в белорусском нациогенезе другие факторы получили первостепенное значение. Самым важным из них с точки зрения создания национальных символов и мифов является героическая борьба с немецко-фашистскими захватчиками в годы Второй мировой войны. И здесь Брест, Минск, Могилев и другие города обладают потенциалом национально-культурных центров, который реализуется в конституировании нового национального самосознания.

Культурно-этническая модель нациогенеза в Беларуси в условиях культурного, этнического и конфессионального плюрализма и при активном вмешательстве в нациестроительные процессы извне (Польша и Россия) не имела своим результатом создание внутренне консолидированной нации,

как это произошло, например, в польском или чешском варианте. На наш взгляд, на современном историческом этапе только синтез двух концепций нациогенеза – культурно-этнической и политико-государственной – способен выработать парадигму национальной экзистенции «новой» Беларуси. Национально ориентированная политика государства, использующая культурно-этнические аргументы пропаганды идеи нации, может сделать более эффективным нациогенез Беларуси.

¹ См.: Ренан Э. Что такое нация? // Собр. соч. Эрнеста Ренана: В 12 т. Киев, 1902. Т. 6. С. 101.

² См.: Сміт Є. Д. Національна ідентичність. Київ, 1994. С. 20–21.

³ См.: Brubaker R. Nacjonalizm inaczej. Struktura narodowa i kwestie narodowe w nowej Europie / Przekład Jan Łuczyński. Warszawa; Krakow, 1998. S. 43–44.

⁴ См.: Chlebowczyk J. O prawie do bytu małych i młodych narodów. Kwestia narodowa i procesy narodotworcze we wschodniej Europie środkowej w dobie kapitalizmu (od schyłku XVIII do początków XX w.). Warszawa; Krakow, 1983. S. 23.

⁵ См.: Там же. С. 39–48.

⁶ См.: Radzik R. Między zbiorowością etniczną a wspólnotą narodową. Białorusini na tle przemian narodowych w Europie środkowo-Wschodniej XIX stulecia. Lublin, 2000. S. 80.

⁷ См.: Znaniecki F. Współczesne Narody. Warszawa, 1990. S. 44–45.

⁸ См.: Там же. С. 124.

⁹ См.: Chałasiński J. Kultura i narod. Studia i szkice. Warszawa, 1968. S. 34.

¹⁰ Там же. С. 37.

¹¹ См.: Hroch M. Evropska narodni hnutí v 19. Století. Společenské předpoklady vzniku novodobých národů. Praha, 1986. S. 63–65.

¹² Ластоўскі В. Ю. Кароткая гісторыя Беларусі. Мн., 1993. С. 82.

¹³ Ігнатаўскі У. Кароткі нарыс нацыянальна-культурнага адраджэння Беларусі (Лекцыі, чытаныя для студэнтаў Менскага Педагагічнага Інстытуту у г. Яраслаўлі у 1917–1918 року). Мн., 1921. С. 5.

¹⁴ Wróbel P. Kształtowanie się białoruskiej świadomości narodowej a Polska. Warszawa, 1990. S. 18.

¹⁵ Там же. С. 20.

Поступила в редакцию 25.06.2003.

Геннадий Иванович Иванчин – аспирант кафедры философии культуры. Научный руководитель – доктор культурологии, доцент В.Ф. Мартынов.